

УДК 347.23
ББК 67.4

DOI: 10.53315/2949-1193-2024-3-4-53-63

*Терещенко Д.С.,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Россия*

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ ТРИАДЫ ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем гражданского права, которая длительное время стоит перед юридической наукой, связанная с содержанием понятия «права собственности» в виде «триады правомочий собственника». Существующий количественный состав правомочий не в полной мере отвечает потребностям гражданского оборота, по-прежнему вызывают дискуссии среди цивилистов. Одним из главных препятствий выступает исторически сложившаяся в российской цивилистике традиция понимания содержания права собственности как совокупность трех правомочий. Указанное обстоятельство не позволяет адекватно рассматривать смысловое содержание и мерность правовых понятий «владение» и «обладание», и их производных (правомочий). На основе историко-правового метода представлен более детальный анализ, а также предложены расширенные теоретические подходы к толкованию понятия «триада правомочий». По результатам исследования сформулирован авторский вариант понимания термина «триада правомочий собственника» в виде двухуровневой конструкции, а возникновение самой триады – процесс, отражающий право собственности сельской общины в начале XVIII века.

Ключевые слова: Триада правомочий собственника, владение, обладание, проблемы гражданского права, мерность понятия, производные характеристики действия, теория гражданского права, правомочие, проблемы методологии права, определение производной.

UDC 347.23
BBK 67.4

DOI: 10.53315/2949-1193-2024-3-4-53-63

***Tereshchenko D.S.,**
postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia*

ON THE ISSUE OF ORIGIN AND CONTENT TRIADS OF OWNERSHIP RIGHTS

Abstract. The article is devoted to one of the problems of civil law, which has been facing legal science for a long time, related to the content of the concept of «property rights» in the form of a «triad of the rights of the owner». The existing quantitative composition of the powers does not fully meet the needs of civil turnover, and continues to cause discussions among civil society. One of the main obstacles is the historically established tradition in Russian civil law of understanding the content of property rights as a set of three powers. This circumstance does not allow us to adequately consider the semantic content and dimension of the legal concepts of «possession» and «possession», and their derivatives (powers). Based on the historical and legal method, a more detailed analysis is presented, as well as expanded theoretical approaches to the interpretation of the concept of «triad of powers» are proposed. According to the results of the study, the author's version of the understanding of the term «triad of the rights of the owner» is formulated in the form of a two-level structure, and the emergence of the triad itself is a process reflecting the ownership of a rural community at the beginning of the XVIII century.

Key words: The triad of the powers of the owner, possession, possession, problems of civil law, dimension of the concept, derivative characteristics of action, theory of civil law, competence, problems of methodology of law, definition of derivative.

Явление глобальной цифровизации оказывает влияние на все процессы в обществе, в том числе и на процессы познания феноменов окружающего мира, социальных (общественных) отношений. В современных условиях они характеризуются высоким динамизмом, постоянным расширением и углублением, как самого научного знания, так и усложнением форм и методологии его исследования. Без должной осмотрительности темпы развития повышают риски совершения ошибок, нарушения критериев научности, что может приводить к искажению новых знаний. Научность во многом зависит не только от верифицируемости, но и от допустимости применения и достоверности получения изначальных и исходных данных, а также от фундаментальных определений, которые составляют основополагающие конструкции постулируемых правил и принципов здания той или иной науки. В сфере гуманитарных наук особую роль играют базовые (ключевые) понятия, смысловое содержание которых формировалось и оттачивалось в разных исторических эпохах под воздействием как различных научных школ, так и авторитета отдельных ученых. При этом плюрализм мнений не исключает, а скорее предполагает выявление и развенчание скрытых логических нестыковок и заблуждений. В этом плане юридическая наука, и цивилистика в частности, занимает не последнее место. Сложность порой заключается в (не) способности признать отдельные положения ошибочными или пересмотреть устоявшиеся воззрения. Научный консерватизм при исполнении своей стабилизирующей роли и соблюдении преемственности историко-правового метода познания порой оказывается неготовым к изменениям и трансформации в условиях наступающих перемен.

Одним из фундаментальных и центральных вопросов науки гражданского права остается вопрос о собственности. Определение, содержание и сущность этого термина в современных условиях по-разному интерпретируются как представителями различных отраслей знаний (экономики, философии, социологии и т.д.), так и юристами.

Понятие собственности как весомый институт гражданского права привлекает взгляды исследователей права на протяжении почти двух последних столетий. Тем не менее, вопрос о том, что по существу представляет собой или, что должно понимать под словом «собственность», по-прежнему остается без однозначного ответа. Российское законодательство не содержит конкретного определения собственности, а употребляется в словосочетании в качестве уточнения или детализации – в научной литературе встречаются словосочетания: «форма собственности», «виды собственности», «институт права собственности», «режим собственности», «отношения собственности», «теория права собственности».

Устоявшееся представление о том, что такое собственность, базируется на раскрытии содержания самого понятия. Доминирующая точка зрения или точка отсчета заключается в делении или членении содержания собственности на совокупность трех правомочий или так называемой «триады правомочий» – владения, пользования и распоряжения. Под триадой (от греч. *τριάς*, *τριάδος* – три, троица) понимается единство, образуемое тремя отдельными членами (частями). Учитывая то, что отдельные элементы (компоненты) триады и триада в целом входят в большинство определений правоотношений, связанных с вопросами собственности, то трудно переоценить значение толкования такого феномена для гражданского права.

Изначально законодательное закрепление прав собственника получило в 1832 году в ст. 420 (т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи (далее – Свод законов), которое гласило: «Кто был первым приобретателем имущества по законному укреплению его в частную принадлежность получил власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и

распоряжаться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого ее приобретателя дошла непосредственно или через последующие законные передачи и укрепления, тот имеет на сие имущество право собственности». В дальнейшем смысл указанной нормы в той или иной интерпретации находил отражения, как в более поздних редакциях Свода законов, так и в гражданских кодексах советского периода. Исключением не стало и настоящее время. Частью первой статьи 209 ГК РФ установлено содержание права собственности, которое заключается в том, что собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

При этом, несмотря длительное употребление и использование в гражданском обороте, проблемы познания сущности самого понятия собственности далеки от разрешения, а постоянное совершенствование и усложнение гражданских правоотношений только подогревают интерес со стороны исследователей к этой теме.

С одной стороны, основанием для изучения становилась неудовлетворенность исследователей количественным набором прав (правомочий), приписываемых правовому понятию «право собственности», что влияет на качественный охват по разрешению практических проблем, возникающих в гражданском обороте. Так, например, А.В. Венедиктов выдвигал идею «об отпочковании права управления (оперативного) от права собственности» (Рубанов, 1986: 85), А.М. Оноре выделял одиннадцать правомочий в составе права собственности, а по подсчетам Л. Беккера их количество составляет 1500 правомочий (Мозолин, 1989: 218-219). В условиях эволюционного развития и углубления в детализацию гражданских правоотношений такая постановка вопроса представляется весьма актуальной. Отдельные исследования посвящены как обзору предлагаемых изменений и дополнений, так и сравнительному анализу с иными правовыми системами (Минникес, 2017: 2-9), (Згонников, 2017: 8-12), (Позднякова, 2006: 9-12).

Вместе с этим, высказывались более радикальные мнения и предложения. Так, например, С.И. Архипов высказал мысль, что триада правомочий собственника как нормативная конструкция является «принципиально неприемлемой» (Архипов, 2011: 451-452). В качестве оснований указывались:

- противоречие с принципом частноправовой свободы собственности;
- выход за рамки права, в сторону субъект-объектных отношений, вместо регулирования субъект-субъектных отношений;
- противоречие с теоретическим представлением о субъективном праве, отсутствие права требования, возможности притязания;
- исчерпывающий перечень правомочий тормозит динамический процесс эволюции правоотношений собственности.

Автор предложил в основу права собственности наделить собственника правом быть центром (ядром) коммуникативно-регулятивной свободы, предметом которой будет выступать определенная вещь. Наличие и количество вторичных (служебных) правомочий должно зависеть от сложности объекта собственности, а классификация их по отдельным группам – соответствовать теоретической модели субъективного права и обеспечивать удовлетворение интересов, прав требования и притязания, а также защиты.

С другой стороны, обращаясь к теме триады правомочий, часть цивилистов доказывала жизнеспособность и достаточность такой формулировки, ее способность отвечать современным вызовам и требованиям гражданского законодательства. Так, например, известный цивилист Е.А. Суханов придерживается консервативной позиции, которая заключается в том, что попытки дополнить «триаду» другими правомочиями оказывались безуспешными, так как оказывались «лишь способами реализации уже имеющихся правомочий, т.е. формами осуществления субъективного права собственности» (Суханов, 2017: 120).

Подобную точку зрения высказывает К.И. Скловский: «Требуется самая изощренная и тем не менее всегда более или менее уязвимая аргументация, чтобы доказать возможность включения в право собственности правомочия, не отождествляемого с одним из элементов триады» (Скловский, 2010: 183).

А.О. Рыбалов предлагает компромиссный вариант: «Вряд ли стоит пытаться увидеть в «триаде» какой-то особенный смысл, вкладываемый в нее отечественной правовой мыслью: она лишь отражает наиболее часто встречающиеся возможности собственника» (Рыбалов, 2017: 59).

Для выяснения сущностного содержания триады правомочий следует согласиться с выводами К.И. Скловского о том, что «проблема триады – проблема прежде всего истории права» (Скловский, 2010: 186).

Автором «триады правомочий» собственника в российской цивилистической науке принято считать видного русского цивилиста и педагога Василия Григорьевича Кукольника (1765 – 1821), который в 1813 году впервые определил право собственности как совокупность трех правомочий. В работе (Рубанов, 1986: 105), опубликованной более сорока лет назад в сборнике, посвященном развитию советского гражданского права, А.А. Рубанов приводит цитату В.Г. Кукольника, которая должна была доказывать его авторство: «...Право собственности, есть право в вещи, из коего следует власть владеть вещью, пользоваться и по произволению располагать оною». В дальнейшем указанная цитата широко распространилась в современной юридической литературе, конспектах лекций, монографических исследований, посвященных происхождению и содержанию понятия «право собственности».

Однако, если мы обратимся к первоисточнику цитаты, к положениям учебника «Начальные основания Российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию оного в публичных курсах» (далее – Начальные основания), то обнаружим, что полное определение В.Г. Кукольника изложено по-другому: «Обладание, или как иные называют, право собственности, есть право в вещи, из коего следует власть владеть вещью, пользоваться и по произволению располагать оною во всем пространстве, или в части, ежели тому не препятствует Государственный закон или право другого лица» (Кукольник, 1813: 98). Таким образом, цитата, вырванная А.А. Рубановым из контекста предложения, исказила мысль автора, что приводит нас к несколько другим выводам.

Во-первых, В.Г. Кукольник говорит о трех действиях («владеть», «пользоваться», «располагать»), а не о правомочиях¹. Вместо слова «правомочие», употребляется понятие «право в вещи», из которого проистекает власть на осуществление трех указанных действий, охраняемых законом. При этом, под правомочием понимается юридическая возможность субъекта права совершать определенные действия (бездействия).

Во-вторых, указанные действия отождествляются с понятием «обладание», которое, по его мнению, некоторые другие называют «правом собственности». При этом совершенно не ясно, поддерживает он такое утверждение или всего лишь констатирует существование различных мнений или точек зрения по этому поводу.

В-третьих, права лица в отношении вещей делятся в параграфе 110 Начальных оснований на два вида: «право в вещи» и «право на вещь». Под «правом в вещи» понималось «законное отношение лица к вещи, из коего следует власть на оную без всякого отношения

¹Термин «правомочие» вместо «право» стал использоваться в 50-60-е годы XX века для подчеркивания структурного строения права собственности и исключения случаев употребления понятия «право собственности» как арифметической суммы (набора) прав владения, пользования и распоряжения, тем самым не допустить дробления права собственности. Однако до настоящего времени вопрос терминологии окончательного решения не имеет. (прим.автора)

к другим лицам. Право на вещь есть то отношение одного лица к другому, из коего следует власть требовать от сего последнего, чтобы оно дало, либо делало то, к чему обязалось» (Кукольник, 1813: 95). Вероятнее всего в таком делении кроется ответ на еще один давний нерешенный до настоящего времени в гражданском праве спорный вопрос, при котором часть исследователей, придерживается мнения, что правом (правоотношением) можно считать только отношения между людьми по поводу вещей.

В-четвертых, в дальнейшем, спустя два года, в 1815 году в доработанном, и уже в двухтомном, издании под названием «Российское частное гражданское право» ученый указывал, что «Обладание есть право в наличных материальных вещах, из коего следует власть владеть, пользоваться и располагать во всем их пространстве, или в части, ежели тому не препятствует Государственный закон, или право другого лица» (Кукольник, 1815: 155). Отсутствие в определении словосочетания и понятия «право собственности», свидетельствует о том, что В.Г. Кукольник к указанному времени изменил свое мнение и отказался от утверждения об идентичности содержания права собственности триаде указанных правомочий.

Таким образом, вопрос об авторстве триады правомочий собственника невозможно считать окончательно решенным.

Вместе с этим, исходя из смысла параграфа 153 (Кукольник, 1815: 156), можно сделать вывод, что «так называемая собственность» именуется «правом на сущность вещи». Это дает основания полагать право собственности неким внутренним смысловым содержанием вещи, ее характеризующим признаком, позволяющим определять принадлежность вещи лицу, правом в вещи, а не правом на вещь.

Что касается роли М.М. Сперанского (1772-1839), которого также называют автором «триады правомочий», то, скорее всего, его участие являлось косвенным и опосредованным, так как он осуществлял общее руководство процессами систематизации законодательства и составления Свода законов в целом. К тому же следует добавить, что ему больше импонировало определение, содержащееся в Гражданском кодексе Франции (1804 г.), чем положения ст. 420 т. X ч.1 Свода законов. Указанная статья скорее представляет собой компромиссный вариант между ст. 544 Кодекса Наполеона и воззрениями В.Г. Кукольника. Учет положений из книг последнего вытекал, во-первых, из сложных взаимоотношений М.М. Сперанского с царем, а, во-вторых, В.Г. Кукольник являлся одним из преподавателей публичного и частного гражданского права Николаю I, и, следовательно, трехкомпонентное содержание права собственности не должно было вызывать отторжения со стороны самодержца.

Своя интерпретация истории возникновения триады собственности предложена А.В. Зайковым. По его мнению, редактору в процессе подготовки Свода законов необходимо было одновременно соблюсти два условия. Одно условие касалось обязательного учета положений иностранного законодательства, а с другой стороны, Свод законов должен содержать ссылки только на действующие отечественные законы. «С одной стороны редактор пытается позаимствовать самую суть статьи 544 французского Гражданского кодекса, где собственность представлена как совокупность основных правомочий: право пользоваться и распоряжаться (*le droit de jouir et disposer*). С другой стороны, ...исторические ссылки на старые законы при этой 420-й статье указывали в основном на те законы, в которых понятие *proprietas* передавалось с помощью термина *владение*» (Зайков, 2002: 199). Выход из положения был найден путем простого механического добавления во французское определение собственности понятия права владения, как традиционно используемого в русском законодательстве. В результате чего и получена

триада, ставшая впоследствии «традиционной» и «классической». Однако назвать оригинальным или достаточно обоснованным такую версию не представляется возможным. Как указано выше, еще за почти два десятилетия до официального опубликования Свода Законов (1832 г.) в учебнике гражданского права В.Г. Кукольника (1813 г.) уже выделялся тройственный союз слов «владеть», «пользоваться», «распоряжаться». И, следовательно, эти сведения могли быть знакомы редакции.

Еще одной версией образования триады стала отсылка А.В. Зайкова к книге Г.В.Ф. Гегеля (1770 – 1831) «Философия права» (Гегель, 1990). В своем сочинении немецкий философ, раскрывая сущность собственности, именует части раздела «Собственность»: «Вступление во владение», «Потребление вещи» и «Отчуждение собственности». На этом основании строилась гипотеза о том, что Гегель был сторонником трехкомпонентного содержания права собственности и составители Свода Законов почерпнули идею у него. Однако А.В. Зайкову не удалось отыскать и представить документальные доказательства того, что М.М. Сперанскийзнакомился с «Философией права» и, указанное обстоятельство повлияло на формирование содержательной части понятия собственности.

Тем не менее, выделение указанных частей, при внешнем словесном сходстве с классической триадой, не соответствует ее природе, смысловому наполнению, которое закладывалось в понятие изначально. По нашему мнению, соединение элементов гегелевской триады в единое целое формирует понимание феномена собственности как поступательный процесс поэтапного существования во времени, тем самым разрешая его по «широте». Иными словами, такая триада определяет «жизненный путь» феномена собственности, нежели определяет его внутреннее наполнение или содержание. Таким образом, решение вопроса о содержании собственности представляется целесообразным не искать на временной прямой, а рассмотреть иные критерии и способы конструктивного построения.

Другим критерием может выступать такое членение понятия собственности в элементно-структурном виде, где каждый самостоятельный элемент или компонент является неотъемлемой содержательной частью целого. Одновременно с этим каждый такой элемент несет свою индивидуальную функциональную смысловую нагрузку, но при этом не пересекается с иными элементами или компонентами и объединен общей идеей понятия «право собственности». Существующая триада правомочий в этом плане имеет существенный недостаток. Если правомочия пользования и распоряжения различны в своих целеполаганиях, то при сравнении правомочия владения с двумя другими правомочиями усматривается, что законный владелец или собственник, реализуя свое господство над вещью, имеет возможность пользоваться и распоряжаться ею. Это дает основания полагать владение понятием более общим или с более высоким абстрактным уровнем восприятия. Тогда следует, что триада должна иметь два уровня обобщения. Понятие владения (в значении действия), выступая целым, внутри себя содержит понятия пользования и распоряжения в качестве частей целого, тем самым формируя систему правомочий собственника, которая выступает содержанием собственности, как двухуровневую конструкцию по «высоте».

Однако в таком случае триада правомочий, не меняя количественный состав, становится не совсем триадой, так как нарушается условие единства трех различных частей. В значении действия понятие «обладание» становится тождественным понятию «владение», в состав которого входит понятия «пользование» и «распоряжение». Вместе с этим, В.Г. Кукольник отмечал, что владение следует понимать как деяние и посему «не надлежит смешивать владение с обладанием, ни владельца с обладателем; ибо обладание всегда предполагает законный предлог, на коем оно основывается...» (Кукольник, 1815: 142).

Справедливости ради, следует отметить, что современное толкование в гражданском праве правомочие владения, как фактического господства над вещью, по своему семантическому смыслу и содержанию выступает практически синонимом понятию «обладание». Так, например, А.П. Анисимов и А.Я. Рыженков полагают, что «Сущностью правомочия владения является обеспеченная законом возможность иметь соответствующее имущество в своем обладании» (Анисимов, 2021: 271).

Таким образом, обнаруживается терминологическое несоответствие определения, данное В.Г. Кукольниковом, с общими представлениями о мерности. Понятия владение и обладание имеют равную мерность, т.е. оба понятия имеют способность определяться как действие, а также выступать как законное действие, так и незаконное. Тогда как понятие обладания в качестве действия считать тождественным по значению как «право в вещи, из коего следует власть владеть вещью, пользоваться и по произволению располагать» или как «право собственности» представляется необоснованным и логически не последовательным. Право не является действием, оно выступает установленной и направленной возможностью поведения, и должно считаться производной (деривативной) характеристикой действия (функции, процесса). В нашем случае, обладание характеризуется понятием, показывающим отношение лица к вещи, и должно иметь свое собственное название, например, обладаемость. На практике так и происходит, только связь лица и вещи имеет наименование «принадлежность». Достаточно отметить, что большинство современных толковых словарей, так и определяют собственность через принадлежность. Однако семантический смысл указывает, что принадлежность характеризует связь вещи к лицу, т.е. обратное действие обладанию, но такие «тонкости», как правило, остаются вне поля зрения цивилистов. Такое положение сложилось благодаря изысканиям исследователей экономики, которым более важно и предпочтительно установление принадлежности вещи собственнику, чем определять юридические полномочия лица, обладающего вещью.

Исходя из проведенного краткого исторического и теоретико-правового анализа, представляется возможным предложить авторскую версию возникновения в начале XIX века в российском гражданском праве понятия, которое означало и обосновывало трехкомпонентный состав права собственности, получившего впоследствии название «триада правомочий собственника».

С одной стороны, мы имеем фактическое свидетельство того, что В.Г. Кукольник в 1813 году считал понятие «обладание» основанием для проявления власти владеть, пользоваться и распоряжаться. С другой стороны, он не оставил каких-либо пояснений о причинах такого выбора. В связи с чем возможно предположить, что, по его мнению, объяснение или обоснование не требовалось ввиду явной простоты и очевидности выбора указанных действий в качестве содержания понятия обладания. Кроме того, такое правовое явление по своему характеру должно отвечать критериям массовости и максимальной распространенности, чтобы иметь достаточное обоснование для законодательного закрепления и правового регулирования гражданских правоотношений.

По нашему мнению, для зарождающейся науки отечественного гражданского права наглядным примером проявления триединства действий, как основы права собственности, выступала система функционирования сельской общины, которая представляла собой единицу административно-хозяйственного самоуправления (как правило, в границах деревни или села) на территории государства. Российская империя на рубеже XVIII – XIX веков представляла собой государство с высоким удельным весом аграрного производства. Основной отраслью экономики являлось сельское хозяйство, во многом

представленное сельскими общинами (обществами), которые имели большое количество различных видов, типов и форм существования. Широкое разнообразие не позволяет более-менее точно оценить количественный состав сельских общин, но речь может идти о числе свыше 100 тысяч таких сообществ, в которых было занято более 80 процентов от общей численности населения государства.

Не вдаваясь в исторические подробности и сословные особенности, мы полагаем, что функциональное разделение полномочий в пределах сельской общины выглядело следующим образом:

- владение как фактическое господство принадлежало, осуществлялось, определялось, числилось за сельской (крестьянской) общиной в форме объединения крестьян для коллективного владения землей. Кроме этого, она выполняла еще ряд функций, направленных на удовлетворение хозяйственных, социальных, правовых и духовных потребностей своих членов;

- распоряжение имуществом сельской общины производилось на основе делегирования полномочий или возлагалось на выборные (представительные) органы управления (мирской сход, собор, сбор и пр.) или на (уполномоченных) назначенных лиц, в пределах устоявшихся обычаев или установленных правил, полномочий и компетенций;

- пользование земельными участками осуществлялось непосредственно членами сельской общины (общинниками), которые представляли собой учетные единицы сообщества (отдельные лица, семьи, дворы), по правилам и на условиях, предоставленных распорядительными органами сельской общины.

Сельская община как юридическое лицо (по В.Г. Кукольнику – «нравственное лицо») аккумулирует общие властные полномочия, относящиеся к владению, а члены сообщества могут входить, как в состав руководящих и распорядительных органов сельской общины, так и являться потребителями (выгодополучателями), пользуясь земельными наделами и другим имуществом, принадлежащее всем вместе и неразрывно.

Такое функциональное и посубъектное деление на правомочия в качестве целого впоследствии было представлено как «триада правомочий собственника». Хотя следует признать, что выявленные оговорки ставят под вопрос об обоснованности и целесообразности использования в определении самих слов «триада», «правомочие», «собственность».

Кроме этого, такое разделение не противоречит ранее сделанному нами выводу о двухуровневом восприятии структуры права собственности, где правомочия пользования и распоряжения входят в состав обобщенного понятия владения, под которым понимается совокупность возможных действий по реализации прав собственности сельской общиной. В качестве косвенного подтверждения предлагаемой версии появления триады правомочий собственности, следует принять во внимание, что В.Г. Кукольник, несмотря на профильное юридическое образование (Лембергская (Львовская) Академия (1789)), имел широкие познания в экономических науках. До переезда в Россию в 1803 году он более десяти лет занимался сельским хозяйством, изучал хозяйственную деятельность, агрономию, технологии выращивания сельскохозяйственной продукции. Накопленные знания и опыт В.Г. Кукольник обобщил и опубликовал в двух учебниках на польском языке. Следовательно, его нормативные разработки в сфере частного гражданского права не являлись беспочвенными и надуманными, а представляли вполне закономерный процесс и имели естественное происхождение и подтверждение.

Таким образом, представленный вариант толкования триады правомочий собственника отлично вписывается в сельскохозяйственный уклад Российской империи на рубеже XVIII-XIX вв. Его даже можно было экстраполировать на собственнические отношения

в публичной сфере на уровне государства¹. Император осуществлял верховное господство, как самодержец владел и мог распоряжаться всеми принадлежащими территориями и имуществом государства, ему подчинялись исполнительные и другие органы власти, которые реализовывали и исполняли его распорядительные функции по владению. Кроме этого существовали широкие слои населения, которым позволялось использовать доступные и предоставляемые владельцами ресурсы для воспроизводства и потребления.

На современном этапе развития гражданских правоотношений структура права собственности не может быть «втиснута» в рамки триады правомочий собственника, а должна отражать конкретную схему (вариант) рассматриваемого правоотношения или функционирования субъекта хозяйствования. И вопрос стоит не столько в увеличении количества правомочий, сколько в том, чтобы формировать структуру (модель) собственности для разных видов правоотношений при строгой определенности и мерности каждого используемого правового понятия.

Библиографический список

Анисимов А.П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, М.Ю. Козлова С. А. Чаркин; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 394с. (Высшее образование).

Архипов С.И. Проблема триады права собственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург. 2011. Вып. 11. 448 – 466 с

Гегель Г.В.Ф. Философия права / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц / М. Мысль. 1990. 524с (Философское наследие)

Зайков А.В. «Собственность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного понятийного юридического парадокса // Вестник Гуманитарного университета: Серия «Право»: Научный альманах. / Ред. кол.: С.С. Алексеев (глав.ред.), С.И. Архипов, В.А. Брызгалов и др. Екатеринбург. Гуманитарный университет. 2002 №1(3). 254с.

Згонников П.П. Некоторые подходы к вопросу содержания права собственности // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 8 – 12

Кукольник В.Г. Начальные основания Российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию оного в публичных курсах. СПб., 1813. 240с.

Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. В 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента Внешней торговли, 1815. 368с.

Минникес И.В. Право собственности как совокупность правомочий // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 1. С. 2 – 9 DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.1.1.;

¹В.Г. Кукольник, будучи профессором Императорского Педагогического института и Высшего училища правоведения, преподавал уроки римского и гражданского права не только великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу, но и читал лекции столичным чиновникам. Учет важности и значимости обучающихся персон накладывал повышенные требования к качеству и уровню излагаемого материала. В связи с чем, Начальные основания имеют обширные исторические повествования о законодательстве российского государства в различные эпохи и периоды царствования предыдущих правителей России, установлении ими «законоположений» по управлению государством, государственному и частному гражданскому праву. В частности, в учебнике подробно изложены вопросы, связанные с владением и обладанием имуществом (вещами), наследованием и завещанием, опекуном и попечительством, бракосочетанием и его последствиями, соблюдением повинностей и пр. Несмотря в целом на публичную направленность учебника, указанные моменты акцентировали внимание на иерархичности власти, определении прав и обязанностей разных категорий субъектов гражданского права, подразумевая выделение собственного функционала на каждом уровне. (прим.автора)

Позднякова Р.Б. Триада правомочий собственника // История государства и права 2006. № 1. С. 9 – 12.

Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В.П. Мозолин. М., 1986. 260с.

Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) [Электронное издание]. М. М-Логос. 2017. 96 с.

Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут. 2010. 893с.

Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития) / Отв. ред. В.П. Мозолин. М. Наука, 1989. 336с.

Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут. 2017. 560с.